

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.219-234

ЭЛИТНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ С ГОРОДИЩА МЕЛЕК

Юрий Павлович Зайцев

Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский», Симферополь, Россия
skilur46@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6549-0520

Эльзара Айдеровна Хайрединова

Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
khairedinovaz@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-1362-757X

Ирина Ивановна Шкрибляк

Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский», Симферополь, Россия
vejde_v_l@mail.ru

Аннотация. В 2024 году на территории позднескифской крепости Мелек в Белогорском районе Республики Крым обнаружено захоронение кочевника второй трети VII в. в сопровождении «чучела» коня. С комплексом связан богатый погребальный инвентарь: плакированные золотом бронзовые бляхи с рельефным изображением пикирующей хищной птицы, серебряные детали конской сбруи, удила с восьмёркообразными окончаниями с Г-образными псалиями, стремя с петельчатым ушком, золотой тремиссис, отчеканенный в Константинополе в 603–607 гг. в правление императора Фоки, поясной набор с серебряными литыми геральдическими деталями и пластинчатым наконечником основного ремня, а также элементы клинкового оружия – железное перекрестье и железная петля от ножен. Погребение воина-кочевника является ярким свидетельством присутствия во второй трети VII в. тюрков на территории предгорного Крыма.

Ключевые слова: Крым, горный массив Кубалач, фортификация, воин-кочевник, предметы конского снаряжения, ранние тюрки

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-01266 «Горный массив Кубалач как новый феномен археологии Крыма в IV в. до н.э. – V в. н.э.», <https://rscf.ru/project/24-28-01266>.

THE EARLY-MEDIAEVAL-PERIOD ELITE GRAVE FROM THE FORTIFIED SETTLEMENT OF MELEK

Yuriy P. Zaytsev

Historical and Archaeological Museum Preserve of Scythian Neapolis, Simferopol, Russia
skilur46@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6549-0520

Elzara A. Khairedinova

Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
khairedinovaz@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-1362-757X

Irina I. Shkribliak

Historical and Archaeological Museum Preserve of Scythian Neapolis, Simferopol, Russia
vejde_v_l@mail.ru

Abstract. It was 2024 when the grave of a nomad from the second third of the seventh century accompanied with a “stuffed” horse was discovered on the territory of the Late Scythian fort of Melek, in the Belogorsk District of the Republic of the Crimea. The assemblage in question is related to rich grave goods: gold-plated bronze badges with relief image of a diving bird of prey, silver parts of a horse tack, horse bits with the figure-of-eight endings and Г-shaped cheek-pieces, stirrup with a loop-shaped eyelet, gold *tremissis* minted in Constantinople in 603–607 AD under Emperor Phokas, belt set with silver cast heraldic parts and a plated end of the main belt, as well as bladed weapon parts: iron cross-guard and iron scabbard loop. The burial of a nomadic warrior supplies vivid evidence of the Turkic presence in the territory of the sub-mountainous Crimea in the second third of the seventh century.

Keywords: Crimea, Mountain Group Kubalach, fortification, nomadic warrior, horse tack parts, early Turks

Acknowledgments: This study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 24-28-01266 *Mountain Group Kubalach as a New Phenomenon in the Crimean Archaeology from the Fourth Century BC to the Fifth Century AD*, <https://rscf.ru/project/24-28-01266>.

Позднескифская крепость на горе Мелек открыта археологической экспедицией музея-заповедника «Неаполь Скифский» в 2015 г. Остатки укрепления с примыкающим поселением располагаются на одной из возвышенностей горного массива Кубалач, рядом с селом Некрасово Белогорского района Республики Крым. Крепость входит в систему укреплений эллинистического и римского времени Кубалача, территориально локализуется между городищем Бурундук-Кая и Кара-Тая. В настоящее время практически вся часть цитадели и значительный участок примыкающего поселения покрыты порослью дуба, ясения, кизила. Свободная от лесного покрова поверхность задернована и используется местными жителями для выгона крупного рогатого скота. В лесу повсеместно видны раскаты камня от жилых и хозяйственных построек, контуры цитадели на вершине хорошо угадываются по мощным каменным завалам с видимыми участками разрушенных фасов крепостных стен. Центральная часть цитадели, судя по рельефу, не была застроена.

В 2024 г. Крымская Предгорная археологическая экспедиция под руководством Ю. П. Зайцева проводила обширные археологические исследования в северо-западной части горного массива, в окрестностях сел Пролом и Некрасово Белогорского района, в результате которых исследована часть укреплений цитадели Мелек, составлен предварительный план крепости, выбрано заполнение башни-донжона, замыкающей узел обороны на скальных обрывах возвышенности. В ходе закладки шурfov-зондажей на трассе оборонительной стены, предпринятых с целью выяснения ее конфигурации и мест расположения башенных выступов, обнаружены признаки конского захоронения. Зубы верхней и нижней челюсти, фрагменты черепа лошади и железные удила залегали непосредственно под верхним горизонтом каменного развала стены, на месте поворота крепостной стены на север – к башенному выступу, фланкирующему воротный проем цитадели. Расчистка верхнего горизонта костей показала, что под разрушенной стеной крепости было совершено погребение взрослого человека с «чучелом» лошади.

Погребальное сооружение и обряд

Контур могильной ямы прослежен условно, ее юго-западной и юго-восточной стенками являются внешние фасировки крепостной стены позднескифского укрепления (рис. 1). Размер ямы $1,1 \times 2,4$ м, глубина 0,4–0,5 м от уровня современной дневной поверхности. Яма заложена крупным и средним известняковым бутом с незначительным количеством темного гумуса. В засыпи могильной ямы повсеместно встречались фрагменты лепных лощеных и нелощеных, гончарных сосудов, амфор, а также кости животных, связанные с горизонтом разрушения крепости в IV в. н.э. Дно могилы неровное из-за ее устройства в каменном завале стены. При сооружении могилы был выбран лишь верхний слой каменного завала на разную глубину. В центре могилы оказалась крупная каменная плита, которая из-за своей тяжести была оставлена на месте, и тело покойника, несмотря на очевидную неровность дна, уложили поверх нее. Кости человеческого скелета разбиты на мелкие фрагменты. Их плохая сохранность, вероятно, обусловлена закладкой могилы крупным и средним известняковым бутом, масса которого давила и разрушала человеческие останки.

Тщательная расчистка сохранившихся фрагментов человеческого скелета показала, что тело покойника уложили на спину, головой на юго-восток, лицом – на юг. Кости левой, слегка согнутой в локте руки лежат вдоль кладки оборонительной стены, кости правой руки сохранились плохо, однако, прослеживается их положение вдоль костяка. Кости ног сильно повреждены, похоже, что они были согнуты в коленях и уложены на вертикально торчащий крупный камень в слое развала крепостной стены. По определению Н. Г. Свирикиной, костные остатки, представленные фрагментами костей черепа и нижней челюсти, разрушенными костями конечностей, одним грудным позвонком и фрагментами крестца, принадлежат мужчине 35–40 лет. Кости – массивные. На черепе – крупные сосцевидные отростки, рельеф надбровья умеренно выражен, сохранившийся участок ламбдовидного и сагиттального шва

закрыт (в обл. lambda). Края суставных поверхностей – выраженные. Стёртость зубов равномерная – от 2–3 до 4 баллов. Отмечены слабые отложения зубного камня и гипоплазия эмали (линия проходит по центру коронки первого премоляра).

Среди костей скелета найдены: под черепом, рядом с нижней челюстью – византийская золотая монета с пробитым отверстием (рис. 1,33; 2,1); в области грудной клетки – лежавшие лицевой стороной вниз три квадратные бронзовые бляхи, плакированные тонким золотым листом (рис. 1,3,4,20; 2,2–4); в области пояса – серебряные литые детали поясного набора (рис. 1,8,9,11,16,18,21–23,36; 3) и две железные пряжки (рис. 1,10,19; 4,5,6); около тазовых костей – серебряный пластинчатый наконечник ремня (рис. 1,13; 3) и фрагменты железного кресала (рис. 1,14; 4,4); около костей левого предплечья – железное перекрестье клинового оружия (рис. 1,15; 4,2) и железная петля для портупейного ремня (рис. 1,17; 4,2); около правой бедренной кости – железная пряжка и две литые серебряные бляшки (рис. 1,27; 3,2; 4,1).

Поверх покойника было уложено «чучело» коня с головой и задними конечностями. Зубы нижней и верхней челюстей, фрагменты черепа коня выявлены над костями черепа захороненного в могиле мужчины. Под голову коня, рядом с правым плечом покойника, подложили несколько камней среднего размера. Кости плюсны и фаланги пальцев коня обнаружены рядом с большими берцовыми костями человеческого скелета. Остеологический подсчет показал наличие лишь 56 фрагментов костей лошади: ребра, позвонки, бедренные кости, лопатки. В целом, по определению Г. И. Тимониной, большая часть костей скелета животного отсутствовала. Среди остатков скелета коня найдены: между зубов – железные удила с Г-образными псалиями (рис. 1,1; 5), в области головы – 77 штампованных из серебряной пластины деталей ремней уздечного набора (рис. 1,6,7,12,24–26,28–32,34,35; 6) и железные бляшки (рис. 1,5; 4,8–10), в центральной части – железное стремя (рис. 1,2; 4,11), около костей задних конечностей – 11 штампованных из серебряной пластины бляшек (рис. 1,28–32,34,35).

Обряд, зафиксированный в погребении из Мелека, имеет черты, характерные для захоронений тюркских племен раннесредневекового времени. Развал древних стен был выбран для погребения не случайно: обилие камня позволило возвести из него над могилой насыпь, наподобие тех, которые сооружали тюрки Алтая [14, с. 14, рис. 2]. Положение тела умершего головой на восток, с сезонными отклонениями, также характерно для погребальной практики алтайских тюрок раннесредневекового времени [14, с. 16].

Помещение в погребение лишь части коня зафиксировано в кочевнических воинских погребениях из Причерноморской степи [1, с. 197] и многократно встречается у авар в Карпатском бассейне в раннеаварский период [11, с. 301–302; 30, р. 123, пл. 3]. В таких случаях с лошади сдирали шкуру, причем кости ног и череп оставались нетронутыми. Затем шкуру клади в могилу, придавая ей вид взнузданного животного с седлом и стременами [11, с. 301–302, 306].

Характеристика инвентаря

Монета. По определению Н. А. Алексеенко, обнаруженная в погребении золотая монета (рис. 1,33; 2,1) – это византийский тремиссис (*Class II*), отчеканенный в Константинополе в 603–607 (?) гг. в правление императора Фоки (602–610) [22, р. 160, нр. 18, пл. I,18]. На аверсе изображен бюст безбородого императора Фоки в диадеме, кирасе и палудаментуме, вправо. По кругу – латинская надпись: ONAFOCA – [S]PPAVG – D(ominus) n(oster) Focas P(er)p(etuus) Aug(ustus). На реверсе в центре представлен четырехконечный крест с «крышечками» на концах ветвей, по кругу – латинская надпись: VIC[T]ORIFOCA[SAVG] – Victor(a) Focas Aug(ustus). Внизу, под крестом: CONOB. Вверху монеты, по центру (12 час.) пробито отверстие.

Судя по находкам в погребальных комплексах, использование византийских золотых монет в качестве подвесок было распространенной практикой у воинов – кочевников Восточной Европы в VII – начале VIII в. Зачастую в этом качестве использовались легкие солиды Фоки, Ираклия и Константа II [2, с. 33; 3, с. 290; 13, с. 406].

Детали поясной гарнитуры. В области живота и таза погребенного найдены серебряные литые детали поясной гарнитуры – 16 бляшек четырех видов и 2 наконечника вспомогательных ремней, а также сделанный в форме коробочки наконечник основного ремня.

Восемь геральдических бляшек размером $1,4 \times 1,5$ см изготовлены в форме щитка, в основе которого – стилизованный трилистник с расходящимися в разные стороны боковыми завитками и центральным заостренным выступом. Рельефный декор подчеркнут двумя узкими фигурными отверстиями, прорезанными в центре щитка (рис. 3,4–11). Три бляшки размером $1,5 \times 2,4$ см отлиты в виде двух щитков из стилизованных трилистников, связанных в центре парой расположенных горизонтально колечек (рис. 3,1–3). Три бляшки размером $1,6 \times 1,6$ и $1,6 \times 1,7$ см выполнены в форме розетки из чередующихся четырех круглых и четырех овальных, заостренных на завершении лепестков, соединенных в центре круглым выступом (рис. 3,12–14). Две бляшки размером $1,2 \times 1,3$ см образованы тремя колечками, объединенными вокруг небольшого треугольника с прочерченными сторонами и выпуклой центральной частью (рис. 3,15,16). Два ажурных наконечника вспомогательных ремней шириной $1–1,1$ см и высотой $3–3,1$ см отлиты с волнистыми верхней и боковыми сторонами, с закругленной нижней частью. У верхнего края и по центру наконечников сделано по два, расположенных рядом, круглых отверстия, пространство между которыми заполнено парными вытянутыми овальными прорезями. Верхние круглые отверстия подчеркнуты двумя врезными треугольниками (рис. 3,17,18). Все литые детали поясного набора крепились на ремне при помощи одного или двух, расположенных на обратной стороне, стерженьков длиной $0,6–0,8$ см. На концах некоторых стерженьков сохранились миниатюрные бронзовые пластиинки от крепежа.

Литые детали поясного набора выполнены в едином стиле и, скорее всего, были изготовлены в одной мастерской. Небольшая бляшка в форме восьмилепестковой розетки, подобная публикуемым (рис. 3,12–14), найдена в Харачое (Чечня) и отнесена И. О. Гавритухиным ко времени после 630 г. [9, с. 159, 182, рис. 6,49]. Бляшки в виде трех объединенных колечек или кружков известны в поясных наборах второй половины VI – VII в. из Северной Сирии [21, S. 441, 443, Taf. 5,13,17,18,22,27,31,35,39; 7,10,15]. Точные аналогии для геральдических бляшек из Мелека нам найти не удалось. Отметим, что стилистическая особенность мелекских находок – акцент на трилистнике с расходящимися в разные стороны боковыми завитками, напоминающими крылья, не свойственна поясной гарнитуре второй половины VI – VII в. из Восточной Европы, но характерна для деталей одновременных поясных наборов из Ирана и Северной Сирии [21, S. 315, 438–444, Taf. 2, 3, 5–7]. Сочетание стилизованного трилистника с парой колец, присутствующее в декоре бляшек из Мелека (рис. 3,1–3), можно увидеть в разных вариациях на щитках цельнолитых византийских пряжек VII в. из Подунавья и Малой Азии [25, Taf. 62,7–9; 63,5–7; 31, S. 45, Тур Е15, Cat. Nr. 259].

Выявленный в погребении из Мелека наконечник основного ремня с прямыми боковыми и верхней сторонами и закругленной нижней частью шириной $1,8$ см, высотой 9 см сделан в форме коробочки из двух пластин, спаянных ободком из узкой пластины (рис. 3,19). В верхней части наконечник имел узкую пластинчатую окантовку, от которой сохранились мелкие фрагменты. На ремне наконечник крепился при помощи двух бронзовых заклепок с круглыми плоскими шляпками, размещенными у верхнего края. В Крыму наконечники основного ремня такой формы и конструкции появились около середины VI в. и вплоть до конца VII в. использовались в наборных поясах. Изделия второй половины VI – первой четверти VII в. отличаются небольшими размерами и креплением на ремне при помощи одной заклепки, расположенной у верхнего края [5, рис. 9,3,19; 10,12,17; 8, рис. 48,34; 59,7; 72,21]. Позже пропорции наконечников этого типа меняются: они становятся узкими, увеличиваются в длине и зачастую крепятся к ремню двумя заклепками [5, рис. 3,35, табл. 63,21; 8, рис. 14,21; 32,9; 38,1; 83,25]. Длинные и узкие коробчатые наконечники ремня, длина которых в 4–6 раз превышает ширину, пользовались особой популярностью во второй четверти – конце VII в. у населения Северного Кавказа, о чем свидетельствуют их многочисленные находки в могильниках Мокрая Балка, Клин-Яр, Чир-Юрт [7, рис. 27,1; 51,6; 87,6; 101,25; 128,4; 130,13; 134,10; 27, р. 77–78, 279, 282, fig. 96,23; 98,50]. Такие же длинные коробчатые наконечники основного ремня характерны для мужского воинского костюма авар второго этапа раннеаварского периода (626–650/670 гг.) [24, S. 153–155, 170, Nr. 4, 9,10, 13, Taf. 16,8; 33,1; 37,1; 56,1; 11, с. 344, рис. 4,2].

В погребении из Мелека среди тазовых костей (рис. 1,10; 4,5) и около правой бедренной кости (рис. 1,27; 4,1) найдены две железные пряжки, которые, скорее всего, относились к поясной гарнитуре. Они сделаны из прямоугольного в сечении стержня с рамкой почти трапециевидной формы, с закругленной передней стороной и прогнутым, заостренным язычком. Передняя сторона рамок уплощена. Размеры одной пряжки – длина 5 см, ширина 3,2–4 см (рис. 4,1); второй – длина 4,5 см, ширина 2,3–3,2 см (рис. 4,5). В Крыму подобные железные застежки известны в захоронениях VII–VIII вв. из некрополя Боспора и могильников Юго-Западного Крыма [4, табл. 95,8; 147,10; 5, рис. 3,4,34; 4,22, табл. 52,18; 62,4; 64,9; 99,1; 105,7; 6, рис. 34,М13.11].

Судя по находкам в погребениях, присутствие двух поясных пряжек характерно для мужского костюма раннесредневекового времени. Одна из них служила для застегивания поясного ремня, вторая – для портупейного ремня или для пояса штанов [6, с. 84–85, ил. 59, рис. 27,4,9]. Использование «простых» железных пряжек для застегивания парадного пояса, украшенного деталями из благородных металлов, как в случае с публикуемыми находками, также не было редкостью в этот период. В качестве примера укажем украшенный золотыми бляшками и наконечниками пояс из впускного погребения VII в. в урочище Уч Тепе (Азербайджан), застегивавшийся одной или двумя железными пряжками [21, S. 455, Taf. 19,1,25; 23, Abb. 3, 7, 9].

К парадному поясу погребенного в Мелеке могла подвешиваться небольшая сумочка для кресала. Среди тазовых костей выявлено три фрагмента железного пластинчатого кресала прямоугольной формы с закругленными углами шириной 2,5 см, длиной около 7 см (рис. 1,14; 4,4). Наборы для высекания огня, состоявшие из кресала и одного или нескольких кремней, являются распространенными находками в мужских погребениях VII в. В качестве кресала использовались небольшие железные пластины различных форм. Это могли быть обработанные обломки старых ножей или клинового оружия [6, с. 84, 86, ил. 60,В; 61,В; 62,Д; 63,3,5].

Оружие. Около костей левого предплечья погребенного выявлены железные перекрестье и петля для узкого ремешка (рис. 1,15,17). Железное напускное перекрестье клинового оружия сделано в форме ромба размером 1,9×5,5 см, толщиной 0,5 см, с декоративными фигурами выступами на концах (рис. 4,2). Небольшие размеры перекрестья позволяют говорить о принадлежности короткоклинковому оружию – боевому ножу или кинжалу. Часто такие перекрестья встречаются на «коленчатых» кинжалях или ножах, появившихся у населения Алтайской лесостепи под влиянием материальной культуры тюрок в эпоху Первого каганата. Появление подобных ножей в составе вооружения населения восточно-европейских степей исследователи относят к периоду не ранее рубежа VI–VII вв. и связывают с распространением материальной культуры кочевников Центральной Азии [17, с. 212–213, рис. 4,2].

Деревянным ножам клинового оружия, скорее всего, принадлежала железная петля прямоугольной формы, согнутая из узкого, прямоугольного в сечении стержня (рис. 4,3). Размер петли 1,9×2 см, толщина 0,7 см. Через нее продевался ремешок шириной 1,2 см. Отметим, что рядом с железными перекрестьем и петлей в погребении лежала железная пряжка, сделанная из сегментовидного в сечении стержня с овальным, вытянутым в ширину кольцом размером 2,2×3,2 см и подвижным язычком (рис. 1,19; 4,6). Возможно, пряжка служила для застегивания ремешка, на котором ножны клинового оружия подвешивались к поясу.

Перекрестье и ножны размещались в области пояса, в области левого локтевого сустава (рис. 1,15,17). Такое положение боевых ножей прослеживается и в захоронениях населения Алтайской лесостепи [17, с. 214]. Присутствие в погребении только отдельных деталей клинового оружия – ножен и перекрестья, возможно, связано с особенностями погребального обряда с использованием некомплектных или сознательно сломанных вещей в могиле.

Предметы конского снаряжения. В захоронении выявлены удила и псалии (рис. 5), набор бляшек для украшения узды (рис. 6), бляхи (рис. 2,3–5) и одно стремя (рис. 4,11).

Удила состоят из звеньев длиной 13,4 см, изготовленных из железного, квадратного в сечении стержня (рис. 5,1а). Окончания звеньев снабжены двумя кольцами, расположенным в одной плоскости; внутреннее, диаметром 2,8 см, предназначалось для псалия, а во внешнее, диаметром 1,3 см, вставлено кольцо для повода диаметром 3 и 3,5 см. Псалии –

стержневые, двудырчатые, из прямоугольного в сечении стержня с утолщенной центральной частью, в которой сделаны два прямоугольных отверстия для ремешков узды размером $0,4 \times 1,3$ см каждое (рис. 5,1б, 1в). Один конец псалия загнут и сделан с граненым выступом на завершении, второй – уплощен и закруглен на завершении. Длина псалий 17 и 17,6 см.

Удила с восьмёркообразными окончаниями или двукольчатые, в сочетании с Г-образными псалиями с лопастной нижней частью выделены И. Р. Ахмедовым в позднюю pontийскую группу, появившуюся в VI в. и существовавшую до конца VII в. [28, р. 70–71, 161, pl. 60,1,6]. Наиболее близкие аналогии им найдены в помещении 1 крепости Циблиум, в слое 550 г. и в составе Гапоновского клада третьей четверти VII в. [10, с. 41–42, рис. 32,1; 55,8].

Уздечный набор. Среди костей коня собрано 60 полусферических (рис. 6,1) и 20 эллипсоидных бляшек (рис. 6,2), а также 8 наконечников ремней (рис. 6,3), штампованных из серебряной пластины. Большинство из них плохой сохранности: покрыты многочисленными трещинами, имеют глубокие разрывы, фрагментированы. Размер полусферических бляшек – диаметр 1,4–1,5 см, толщина 0,7 см, эллипсоидных – $1,8 \times 2,2$ см, толщина 0,8–1 см. Наконечники ремней сделаны в виде полуцилиндра, ограниченного рельефными горизонтальными валиками, с полусферическим выступом на завершении. Высота наконечников 3,8 см, ширина – 1,1–1,3 см. Для крепления на ремне штампованные из серебряной пластины бляшки и наконечники ремней заполнялись специальным наполнителем на основе мягкого металла (свинца или олова), в который вставлялись проволочные петли или скобы. Для сферических бляшек использовались петли длиной 1–1,1 см из согнутой пополам (3 экземпляра) или загнутой, круглой в сечении проволоки (32 экземпляра) (рис. 6,1а). Внутри эллипсоидных бляшек укреплялись скобы длиной 1,5–1,7 см из круглой в сечении проволоки с загнутыми концами. Всего найдено 16 таких скоб (рис. 6,2а). Внутри наконечников ремней размещались аналогичные по форме скобы длиной 3–3,2 см (их выявлено 9 экземпляров; рис. 6,3а). Загнутые концы некоторых скоб соединены узкими пластинами.

Для соединения уздечных ремней служили три железные усечено-конические бляшки со штырьком для крепления, выявленные среди костей черепа коня (рис. 1,5; 4,8–10). Размеры бляшек – диаметр 1,5–1,9 см, высота 1 и 1,5 см. Найденная при просеивании грунта из погребения железная пряжка с почти овальной вытянутой в длину рамкой и подвижным язычком, изготовленная из сегментовидного в сечении стержня (длина 2,9 см, ширина 1,8 см; рис. 4,7), предназначалась для узкого ремешка и могла использоваться для застегивания ремней узды.

Полусферические бляшки являются самым популярным и распространенным видом украшения ремней конской сбруи в эпоху раннего средневековья. Они известны по находкам в тюркских погребениях VII в. из Тувы, Алтая и Киргизии [20, S. 250, Abb. 119,2,3,6], а также в раннеаварских захоронениях из Карпатского бассейна [24, S. 170–171, Nr. 1.5, 10]. Именно для раннеаварского периода (568–670 гг.) характерен свойственный и для находок из Мелека технологический прием, при котором для крепления полых накладных украшений в них заливается расплавленный мягкий металл (свинец или его соединения) и закладывались маленькие проволочные скобы [11, с. 301, 344, рис. 4,8].

В Мелеке почти все бляшки и наконечники ремней выявлены в области костей черепа лошади, что позволяет говорить о богатом убранстве коня, в состав которого входили декорированные серебряными накладками и подвесками узда, поводья и, скорее всего, нагрудный ремень. Почти десяток полусферических бляшек найдено среди костей задних конечностей (рис. 1,28–32,34). Возможно, серебряными накладками был украшен и накрупник – ремень, шедший от седла под хвостом лошади и удерживавший его от сползания при езде. Судя по количеству, бляшки достаточно плотно располагались на нащечных и налобных ремнях. Подтверждение такой системы декора можно увидеть на сохранившихся фрагментах уздечных ремней с бляшками, найденных в тюркских погребениях VII в. из Тувы (Озен-Ала-Белиг), Алтая (Кудыргэ) и Киргизии (Иссык-Кёл) [20, S. 250, Abb. 119,2,3,6], а также в раннесредневековых росписях Пенджикента и Восточного Туркестана [14, с. 125].

По наблюдению С. Дончевой, ширина ремней конской уздечки (затылочной, лобной, подчелюстной, язычной, подротовой) в эпоху раннего Средневековья составляла около 1,8 см. Изготовление недоуздков требовало около 40–100 бляшек разных видов, то есть украшались

не только намордники, но и поводья, шейные и нагрудные ремни. Бляшки по всему наряду – самая многочисленная и разнообразная категория украшений для лошадей. Подобные детали крепились как на основных (функциональных), так и на декоративных (подвесных) ремнях сбруи верховых лошадей [12, с. 272–273].

Бляхи. Найденные в области груди погребенного три ромбовидные бляхи размером 4,2×4,3 см вытиснены из бронзовой пластины с рельефным декором и обтянуты с лицевой стороны золотой фольгой, края которой загнуты за борт основы (рис. 1,3,4; 2,2–4). На пластинах необычайно выразительно и реалистично изображена пикирующая хищная птица (орел?) с вытянутой мощной шеей и массивным клювом. Контур блях подчеркнут двумя вдавленными линиями. На обороте, в боковых углах ромба припаяны две петли из узкой пластины. Рядом, по углам пластины сделаны круглые отверстия для пришивания и дополнительной фиксации блях на кожаной основе. Внутри бляхи, скорее всего, заполняли пастообразным веществом, которое одновременно сохраняло форму и дополнительно скрепляло элементы конструкции. Такой прием позволял при минимальной затрате драгоценных металлов создать массивное на вид изделие [29, р. 606–610].

Точные аналогии публикуемым бляхам нам не известны. Нашивные украшения различных форм, выполненные в идентичной технике, пользовались популярностью у авар в VII в. и даже поступали из Карпатского бассейна к крымским готам [29, р. 610]. В захоронении аварского ювелира VII в. из Кунсентмартона обнаружена матрица для изготовления подобных изделий [26, р. 170].

В погребении из Мелека бляхи лежали вместе, лицевой стороной вниз, в области груди коня. Видимо, они были нашиты на широкую центральную часть нагрудника (подперсье). Наверняка, изображение пикирующей птицы имело определенное значение. Пикирование у птиц – самая скоростная форма полета и способ атаки добычи во время охоты. Размещение такого изображения на груди боевого коня могло символизировать его стремительность во время атаки.

Стремя (рис. 4,11) сделано из граненого, почти квадратного в сечении железного стержня с петельчатым ушком, проемом арочной формы и пластинчатой, слегка вогнутой подножкой без нервюры. Высота стремени – 16,1 см, ширина – 11,9 см. Ушко стремени петельчатое, слегка приплюснутое, размер 2,8×3,1 см. Отверстие для стременного ремня подтреугольной формы, размером 1,7×2 см. Толщина дужек 0,6–0,8 см. Ширина подножки составляет 1,6–2 см, толщина – 0,3 см. В месте перехода подножки в дужки сделаны рельефные выступы.

Стремя относится к ранним образцам изделий с петельчатым ушком. Морфологические характеристики стремени позволяют определить хронологию находки в довольно широких рамках второй половины VI – начала VIII в. Наиболее ранние изделия этого типа обнаружены в погребальных и поминальных комплексах кызыл-ташского периода тюркской культуры Горного Алтая. Многочисленные схожие предметы, имеющие небольшие отличия в оформлении отдельных деталей, обнаружены в ходе раскопок синхронных комплексов Северной и Центральной Азии [15, с. 196–197; 18, с. 646]. Стремена с петельчатым ушком считаются важным этнокультурным маркером распространения населения тюркской культуры [15, с. 197].

В погребении из Мелека найдено только одно стремя. Считается, что подобная традиция связана с использованием стремян в ранний период их бытования (т.н. кызыл-ташский этап тюркской культуры) в качестве подножки [16, с. 196–197]. При этом следует помнить и о символическом значении стремени, помещение которого в могилу в единственном экземпляре могло заменять полноценный комплекс конского снаряжения [18, с. 644, 646, 647, рис. 1,2,13; 4,1; 19, с. 751, рис. 3,21].

Подводя итоги, отметим следующее. По совокупности инвентаря, время совершения погребения воина-кочевника с «чучелом» коня из Мелека можно отнести ко второй трети VII в. Наборный пояс воина, изготовленный с использованием серебряных деталей, и богато украшенный уздечный набор его коня свидетельствуют о состоятельности и высоком ранге погребенного [14, с. 125; 15, с. 183]. Захоронение воина-кочевника является ярким свидетельством присутствия во второй трети VII в. тюрков на территории предгорного Крыма.

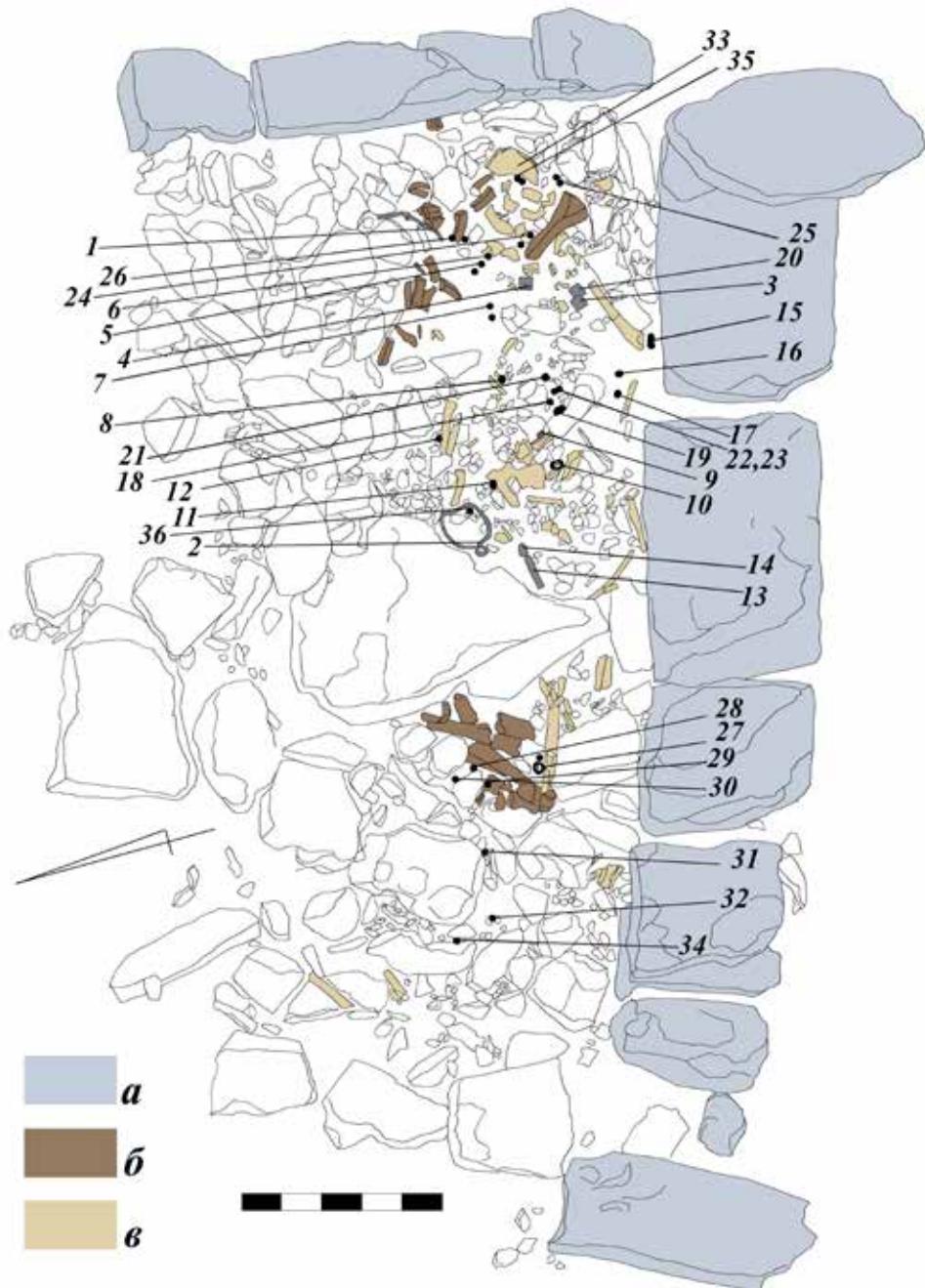

Рис. 1. Городище Мелек. План раннесредневекового кочевнического погребения
 А – оборонительная стена; б – кости коня; в – кости человека; 1 – железные удила;
 2 – железное стремя; 3, 4, 20 – золотые бляхи; 5 – железная заклепка; 6, 7, 12, 24–26; 28–32,
 34, 35 – серебряные декоративные детали конской сбруи; 8, 9, 11, 13, 16, 18, 21–23, 27,
 36 – серебряные детали поясной гарнитуры; 10, 19, 27 – железные пряжки;
 14 – железное кресало; 15 – железное перекрестье; 17 – железная петля;
 33 – золотая монета (чертеж И. И. Шкрыбляк)

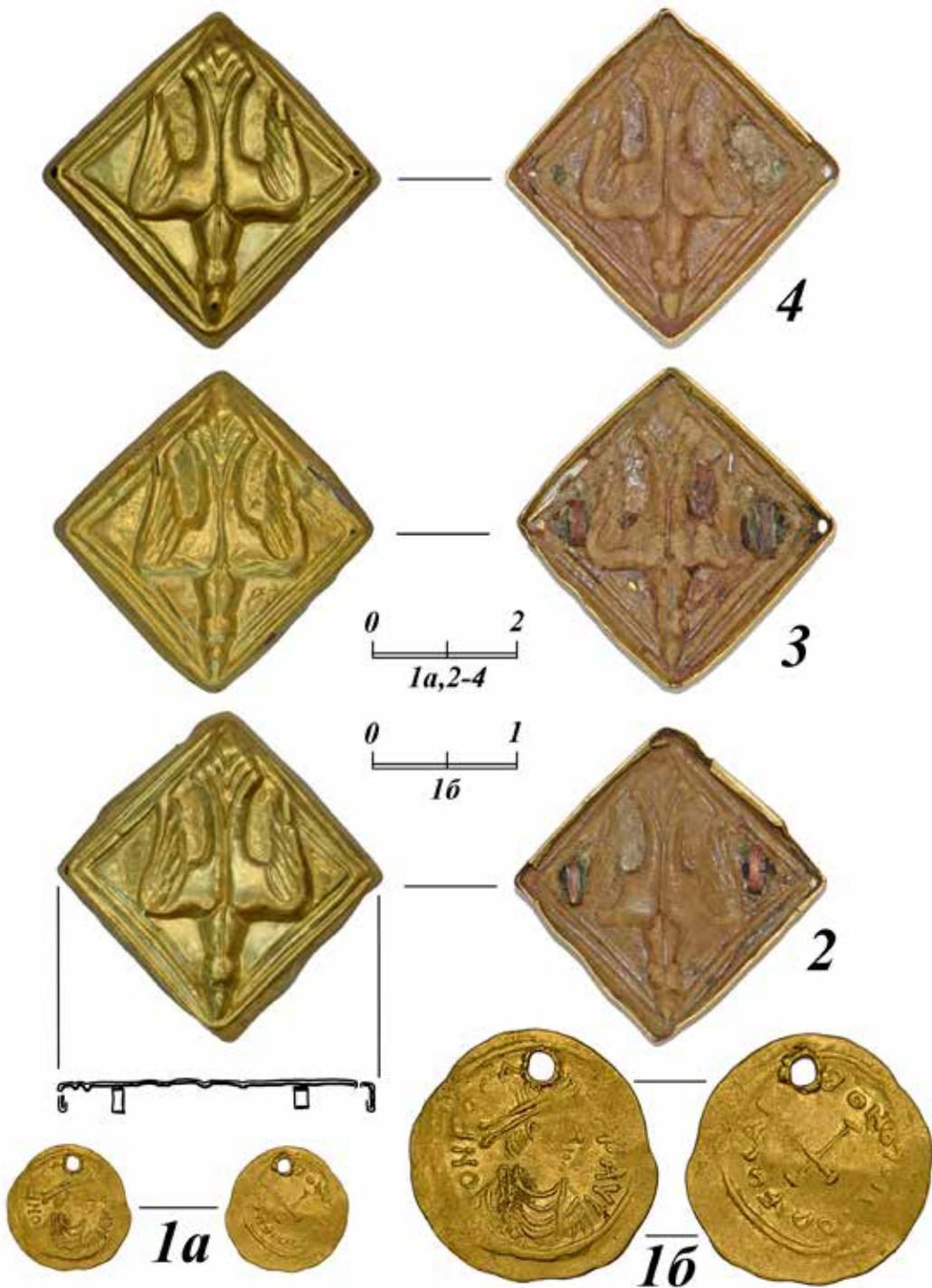

Рис. 2. Городище Мелек. Золотые бляхи с изображением пикирующей хищной птицы и византийская монета из раннесредневекового кочевнического погребения (фото И. И. Шкрибляк)

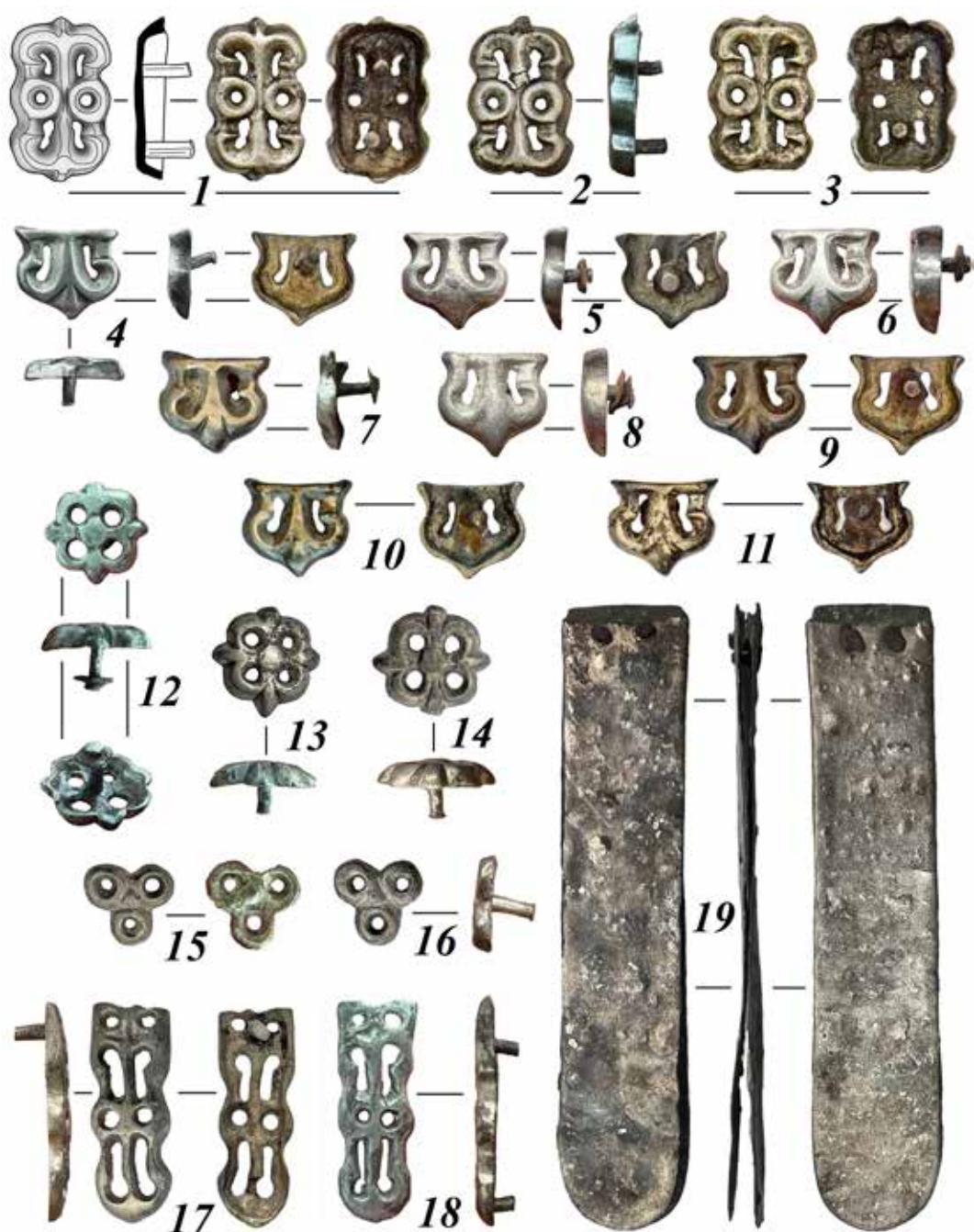

Рис. 3. Городище Мелек. Серебряные детали поясной гарнитуры из раннесредневекового кочевнического погребения (фото Э. А. Хайдединовой)

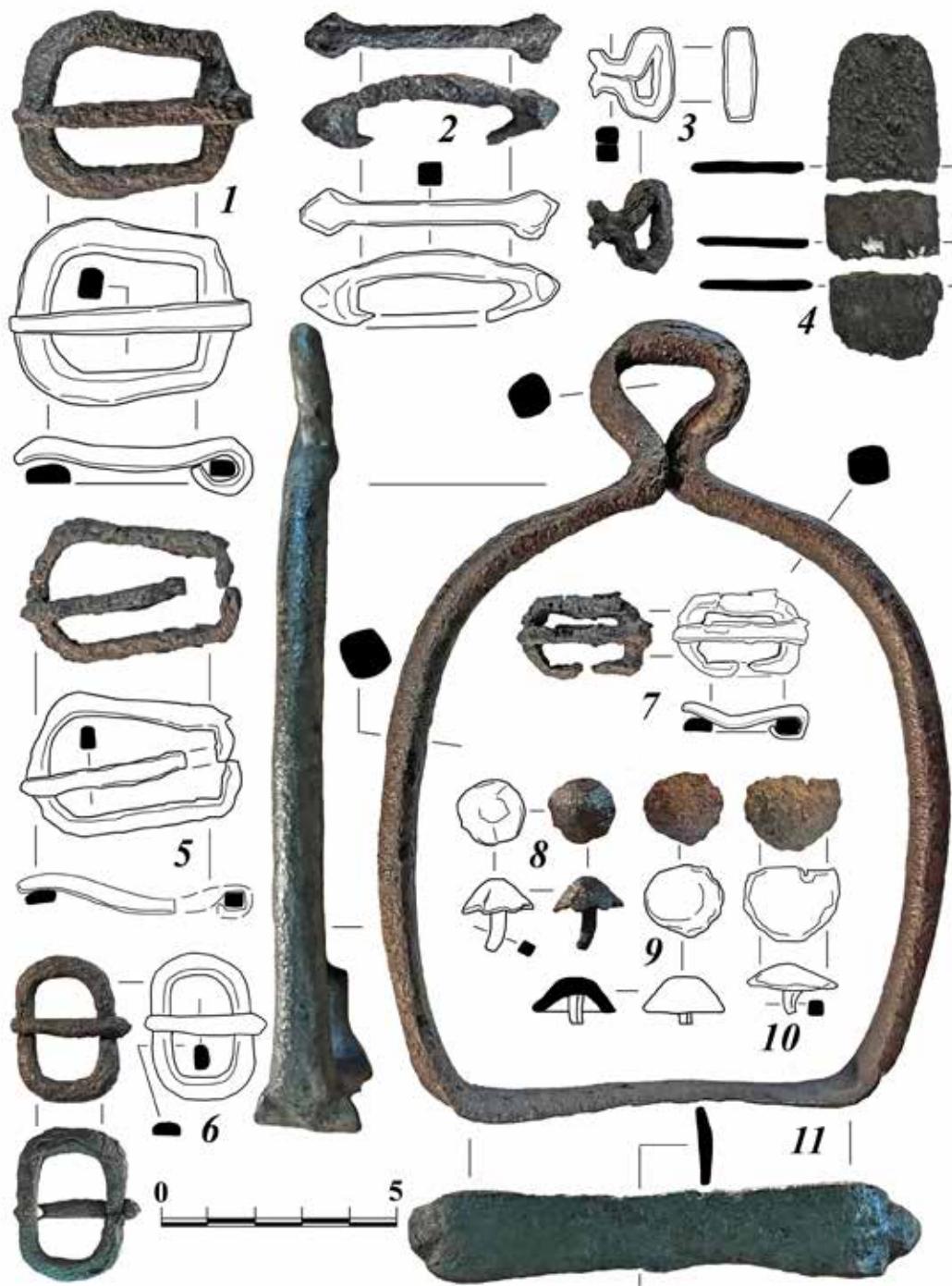

Рис. 4. Городище Мелек. Железные предметы из раннесредневекового кочевнического погребения (фото и рисунок Э. А. Хайрединовой)

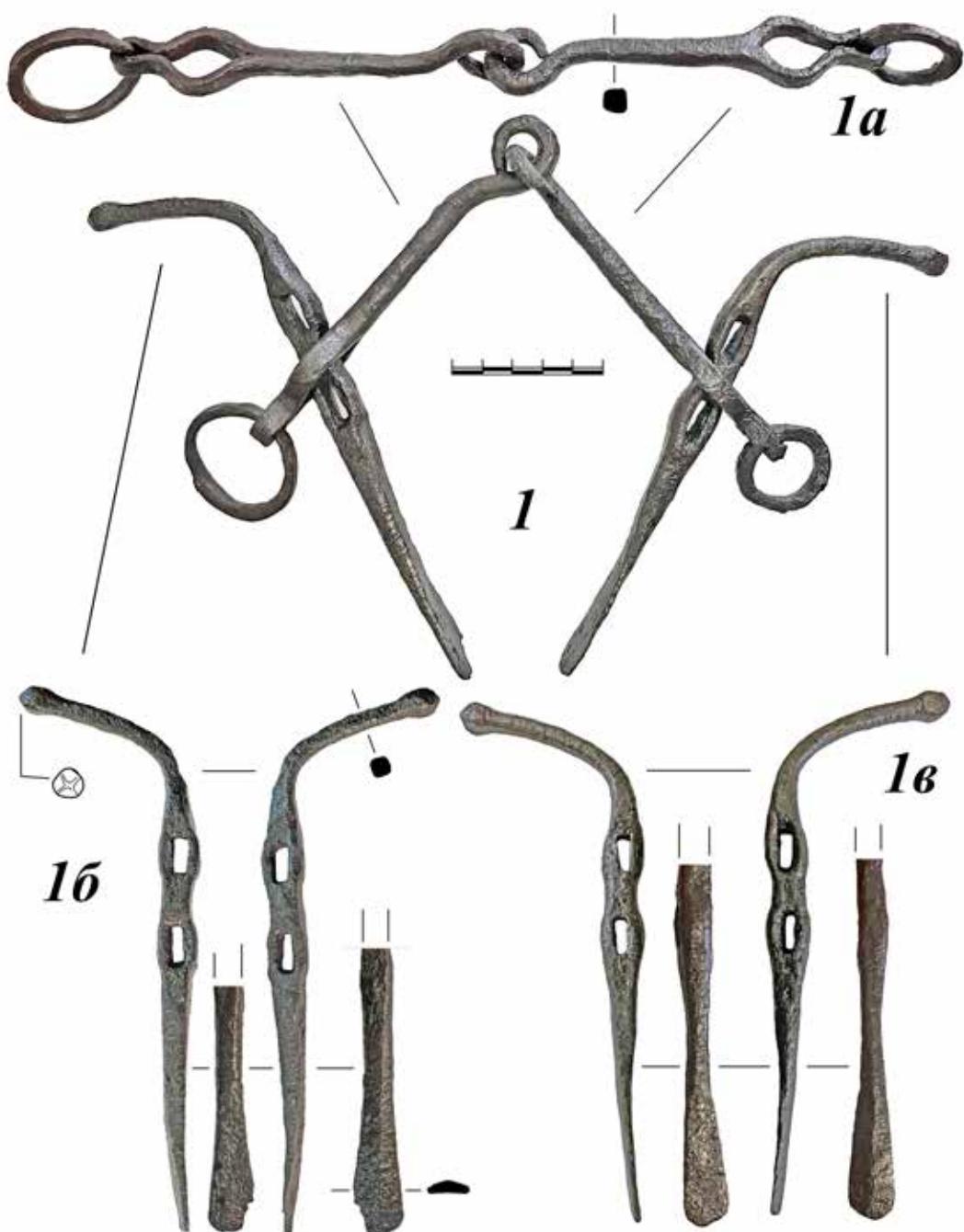

Рис. 5. Городище Мелек. Железные удила и псалии из раннесредневекового кочевнического погребения (фото Э. А. Хайрединовой)

Рис. 6. Городище Мелек. Серебряные бляшки и наконечники ремней от конской сбруи из раннесредневекового кочевнического погребения (фото Э. А. Хайрединовой)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Погребение хазарского воина // СА. 1985. № 5. С. 191–206.
2. Айбабин А.И. Келегейское погребение военного вождя // Проблеми на прабългарската история и култура / Ред. Р. Рашев. София, 1991. Вып. 2. С. 28–35.
3. Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 277–315.
4. Айбабин А.И., Хайдринова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 гг. Симферополь, Керчь: АДЕФ-Украина, 2008. 336 с.
5. Айбабин А.И., Хайдринова Э.А. Могильник у с. Лучистое. Т. II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 гг. Симферополь, Керчь, 2014. 400 с.
6. Айбабин А.И., Хайдринова Э.А., Смокотина А.В., Радочин В.Ю. Некрополь византийского Боспора. Раскопки 2007–2009 гг. в Босфорском переулке. Симферополь: Антиква, 2023. 500 с.
7. Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. Мокрая Балка. Вып. 1: Дневник раскопок. М.: Научный мир, 2001. 250 с.
8. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова Думка, 1993. 201 с.
9. Гавритухин И.О. Комплекс металлических изделий эпохи Первого Тюркского каганата из Бесланского могильника (Северная Осетия) // Нижневолжский археологический вестник. 2023. Т. 22, № 1. С. 139–202.
10. Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: Институт археологии РАН, 1996. 296 с. (Раннеславянский мир. Вып. 3).
11. Дайм Ф. История и археология авар // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 273–384.
12. Дончева С. Реконструкция элементов снаряжения верхового коня эпохи раннего средневековья (на основе находок из болгарских производственных центров в окрестностях Преслава) // Stratum Plus. 2025. № 5. С. 271–286.
13. Комар А.В. Погребение кочевника нач. VIII в. у села Журавлиха в Среднем Поднепровье // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 5. Хазарское время. Донецк: Донецкий Национальный университет, 2006. С. 403–412.
14. Кубарев Г.В. Культура древних турок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.
15. Серегин Н.Н. Опыт выделения социально значимых элементов погребального обряда населения тюркской культуры Саяно-Алтая // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-1(72). С. 180–184.
16. Серегин Н.Н. Появление и первоначальное распространение петельчатых стремян (хронологический и этнокультурный аспекты) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4-1(80). С. 194–198.
17. Серегин Н.Н., Матренин С.С., Степанова Н.Ф. Боевые ножи населения северных предгорий Алтая в эпоху тюркских каганатов (по материалам некрополя Горный-10) // Поволжская археология. 2025. № 3(53). С. 207–217. DOI: 10.24852/ra2025.3.53.207.217.
18. Серегин Н.Н., Степанова Н.Ф. Раннесредневековое одиночное погребение с конским снаряжением из Северного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. XXVII. С. 642–649. DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0642-0649.
19. Шульга П.И., Кубарев Г.В. Раннесредневековое погребение у Большой Тавдинской пещеры (Северный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. XXVII. С. 747–753. DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0747-0753.
20. Bálint C. Die Archäologie der Steppe. Steppenvölker zwischen Donau und Volga vom 6. bis 10. Jahrhundert. Wien, Köln: Böhlau Verlag, 1989. 304 S.
21. Bálint C. Kontakte zwischen Iran, Byzanz und Steppe // Awaren Forschungen / Hrsg. F. Daim. Wien: Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität Wien, 1992. P. 309–496.
22. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. 2. Part 1. Phocas and Heraclius (602–641) / ed. Ph. Grierson. Washington D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1993. 384 p., XXII pl.
23. Chrissimov N. Der frühmittelalterliche Gürtel von Üç Tepe (Azerbajdžan) und die dazugehörige Ausrüstung. Ein Rekonstruktionsversuch // Archaeologia Bulgarica. 2004. VIII,1. S. 79–96.
24. Garam É. Die münzdatierten Gräber der Awarenzeit // Awaren Forschungen / Hrsg. F. Daim. Wien: Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität Wien, 1992. P. 135–250.
25. Garam É. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts. Budapest: Kanai Nyomda, 2001. 432 S. (Monumenta Avarorum Archaeologica. Vol. 5).
26. Garam É. Avar kori női fejdíszek // Zalai Múzeum. 2005. Vol. 14. P. 169–181.
27. Gavritukhin I.O. Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links // Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus) / eds. A.B. Belinskij, H. Harke. Bonn: Habelt Verlag, 2018. P. 49–96.
28. Kazanski M., Mastykova A. Tsibilium. La nécropole apsile de Tsibilium (VIIe av. J.-C. – VIIe ap. J.-C.) (Ab-

- khazie, Caucase). L'étude du site. Vol. 2. Oxford: John and Erica Hedges Ltd., 2007. 164 p. (BAR IS, S1721).
29. Khairedinova E.A., Antipenko A.V. Gilded Sewn-On Plaques of the Second Half of the 7th Century from a Burial Ground near the Village of Luchystoe (Southwestern Crimea) // Nanobiotechnology Reports. 2024. Vol. 19, No. 4. P. 606–610. DOI: 10.1134/S2635167624601773.
 30. Rustoiu G.T., Ciută M. An avar warrior's grave recently discovered at Unirea-Vereşmort (Alba County) // Warriors, weapons, and harness from the 5th–10th centuries in the Carpathian Basin / ed. Călin Cosma. Cluj-Napoca: Mega, 2014. P. 107–127.
 31. Schulze-Dörrlamm M. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römische-Germanischen Zentralmuseum. Teil II: Die Schnallen mit Scharnierbeschläg und die Schnallen mit Angegossenem Riemendurchzug des 7. bis 10. Jahrhunderts. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2009. 404 S.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Tomb of a Khazar warrior. *Sovetskaia arkheologiiia* [Soviet Archaeology], 1985, no. 5, pp. 191–206.
2. Aibabin A.I. Kelegeian Burial of a Military Leader. R. Rashev (ed.), *Problemi na prob "lgarskata istoria i kultura* [Problems of Proto-Bulgarian History and Culture], Sofia, 1991, vol. 2, pp. 28–35.
3. Aibabin A.I. Archaeological Heritage of the Khazars of the Period of Creation of Khaganate. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2013, vol. 18, pp. 277–315.
4. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. I. Raskopki 1977, 1982–1984 gg.* [Cemetery near the village of Luchistoye. Tom 1. Excavations 1977, 1982–1984]. Simferopol, Kerch, ADEF-Ukraina Publ., 2008, 336 p.
5. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. II. Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993–1995 gg.* [Cemetery near the village of Luchistoye. Tom 1. Excavations 1984, 1986, 1991, 1993–1995]. Simferopol, Kerch, 2014, 400 p.
6. Aibabin A.I., Khairedinova E.A., Smokotina A.V., Radochin V.Yu. *Nekropol' vizantiyskogo Bospora. Raskopki 2007–2009 gg. v Bosforskom pereulke* [Necropolis of the Byzantine Bosphorus. Excavations 2007–2009 in Bosphorus Lane]. Simferopol, Antikva Publ., 2023, 500 p.
7. Afanas'ev G.E., Runich A.P. *Mokraia Balka. Vyp. 1: Dnevnik raskopok* [Mokraia Balka. Vol. 1: Excavation Diary]. Moscow, Nauchnyy mir Publ., 2001, 250 p.
8. Veimarn E.V., Aibabin A.I. *Skalistinskiy mogil'nik* [Skalistoe Cemetery]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1993, 201 p.
9. Gavritukhin I.O. The Complex of Metal Objects from the First Turkic Khaganate Period from the Beslan Burial Ground (North Ossetia). *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 139–202.
10. Gavritukhin I.O., Oblomsky A.M. *Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst* [The Gaponov Treasure and its Cultural-Historical Context], Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 1996, 296 p. (The Early Slavic World. Vol. 3).
11. Daim F. History and archaeology of the Avars. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2002, vol. 9, pp. 273–384.
12. Doncheva S. Reconstructions of early medieval riding horse harness (based on finds from Bulgarian production centers in the vicinity of Preslav). *Stratum Plus*, 2025, no. 5, pp. 271–286.
13. Komar A.V. Burial of a nomad from the early 8th century near the village of Zhuravlikha in the Middle Dnieper region. *Stepi Evropy v epokhu Srednevekov'ya. T. 5. Khazarskoe vremia* [The Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 5. Khazar Time], Donetsk, Donetsk National University Publ., 2006, pp. 403–412.
14. Kubarev G.V. *Kul'tura drevnikh turok Altaia (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov)* [The Culture of the Ancient Altai Turks (Based on Funeral Monuments)]. Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Publ., 2005, 400 p.
15. Seregin N.N. The Experience of Allocation of the Funeral Rite Socio-Significant Elements Peculiar to the Turk Culture's People in the Sayan-Altai Region. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University], 2011, no. 4-1(72), pp. 180–184.
16. Seregin N.N. Emergence and Primary Spreading of Stirrups with Loop (Chronological and Ethnocultural Aspects). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University], 2013, no. 4-1(80), pp. 194–198.
17. Seregin N.N., Matrenin S.S., Stepanova N.F. Combat Knives of the Population of the Altai Northern Foothills During the Turkic Khaganates Period (based on materials from the Gorny-10 necropolis). *Povolzhskaya arkheologiya* [Volga River Region Archaeology], 2025, no. 3(53), pp. 207–217. DOI: 10.24852/pa2025.3.53.207.217.
18. Seregin N.N., Stepanova N.F. Early Medieval Single Burial with Horse Equipment from Northern Altai. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnog-

- raphy, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories], 2021, vol. 27, pp. 642–649. DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0642-0649.
19. Shul'ga P.I., Kubarev G.V. Early Medieval Burial near the Bolshaya Tavdinskaya Cave (Northern Altai). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories], 2021, vol. 27, pp. 747–753. DOI: 10.17746/2658-6193.2021.27.0747-0753.
20. Bálint C. *Die Archäologie der Steppe. Steppenvölker zwischen Donau und Volga vom 6. bis 10. Jahrhundert*. Wien, Köln, Böhlau Verlag, 1989, 304 S.
21. Bálint C. Kontakte zwischen Iran, Byzanz und Steppe. F. Daim (Hrsg.), *Awaren Forschungen*. Wien, Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität Wien, 1992, pp. 309–496.
22. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. 2. Part 1. *Phocas and Heraclius (602–641)*. Ed. Ph. Grierson. Washington D.C., Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1993, 384 p., XXII pl.
23. Chrissimov N. Der frühmittelalterliche Gürtel von Üç Tepe (Azerbajdžan) und die dazugehörige Ausrüstung. Ein Rekonstruktionsversuch. *Archaeologia Bulgarica*, 2004, VIII,1, pp. 79–96.
24. Garam É. Die münzdatierten Gräber der Awarenzeit. F. Daim (Hrsg.), *Awaren Forschungen*. Wien, Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität Wien, 1992, pp. 135–250.
25. Garam É. *Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts*. Budapest, Kanaí Nyomda, 2001, 432 S. (Monumenta Avarorum Archaeologica. Vol. 5).
26. Garam É. Avar kori női fejdíszek. *Zalai Múzeum*, 2005, vol. 14, pp. 169–181.
27. Gavritukhin I.O. Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links. A.B. Belinskij, H. Harke (eds.), *Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus)*. Bonn, Habelt Verlag, 2018, pp. 49–96.
28. Kazanski M., Mastykova A. *Tsibilium. La nécropole apsile de Tsibilium (VIIe av. J.-C. – VIIe ap. J.-C.) (Abkhazie, Caucase). L'étude du site*. Vol. 2. Oxford, John and Erica Hedges Ltd., 2007, 164 p. (BAR IS, S1721).
29. Khairedinova E.A., Antipenko A.V. Gilded Sewn-On Plaques of the Second Half of the 7th Century from a Burial Ground near the Village of Luchystoe (Southwestern Crimea). *Nanobiotechnology Reports*, 2024, vol. 19, no. 4, pp. 606–610. DOI: 10.1134/S2635167624601773.
30. Rustoiu G.T., Ciută M. An avar warrior's grave recently discovered at Unirea-Vereşmort (Alba County). Călin Cosma (ed.), *Warriors, weapons, and harness from the 5th–10th centuries in the Carpathian Basin*. Cluj-Napoca, Mega Publ., 2014, pp. 107–127.
31. Schulze-Dörrlamm M. *Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römische-Germanischen Zentralmuseum. Teil II: Die Schnallen mit Scharnierbeschläg und die Schnallen mit Angegossenem Riemandurchzug des 7. bis 10. Jahrhunderts*. Mainz, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2009, 404 S.

Информация об авторах

Зайцев Ю. П. – кандидат исторических наук, директор Историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский», AuthorID: 1137684.

Хайрединова Э. А. – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: Y-5905-2019.

Шкрибляк И. И. – заместитель директора Историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский», AuthorID: 1186302.

Authors information

Zaytsev Yu. P. – Candidate of Sciences (History), Director of the Historical and Archaeological Museum-Reserve “Scythian Neapolis”.

Khairedinova E. A. – Candidate of Science (History), Deputy Director for Research of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: Y-5905-2019.

Shkribliak I. I. – Vice Director of the Historical and Archaeological Museum-Reserve “Scythian Neapolis”.